

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Будильник на комодѣ разорвал предрассветную тишину, выдернув Дороти из глубин путаного, тревожного сна, и она легла на спину, чувствуя себя совершенно разбитой, и вперилась в темноту.

Будильник упрямо надрывался, словно заходясь в истерике, и мог продолжать так минут пять, если его не выключить. Вместе с ломотой во всем теле на Дороти навалилась коварная, презренная жалость к себе, нередко одолевавшая ее по утрам, и она натянула на голову одеяло, укрываясь от ненавистного трезвона. Но вскоре преодолела слабость и, по привычке, сурово отчитала себя, во втором лице.

«Ну-ка, Дороти, подъем! Нечего разлеживаться! *Притчи: vi, 9¹*».

Затем спохватилась, что трезвон разбудит отца, и, вскочив на ноги, схватила с комоды будильник и выключила. Она намеренно ставила его на комод, тем самым вынуждая себя встать с кровати. Не зажигая огня, она опустилась на колени и про-

---

¹ «Доколе ты, ленивец, будешь спать? Когда ты встанешь от сна твоего?» Книга Притчей Соломоновых, синодальный перевод. (*Здесь и далее прим. пер.*)

чла «Отче наш», но без должного чувства, не в силах отвлечься от мерзнувших ног.

Было всего полшестого, и для августа холодно-вато. Дороти (Дороти Хэйр, единственный отпрыск его преподобия Чарлза Хэйра, ректора¹ прихода Св. Этельстана, что в Найп-хилле, в Суффолке) надела выдавший виды байковый халат и пошла ощупью на первый этаж. В зябком коридоре пахло пылью, влажной штукатуркой и жареными окунями со вчерашнего ужина, а из комнат по обе стороны доносился храп на два тона — ректора и Эллен, домработницы. Дороти прошла по стенке на кухню, помня о столе, который подлым образом растягивался в темноте и бил ее в бедро, зажгла свечку на каминной полке и, преодолевая ломоту, присела и выгребла золу из очага.

Растопка кухонного очага была «адовой» задачей. Изогнутый дымоход давно забился сажей, и огонь приходилось взбадривать чашкой керосина, словно пьяницу — утренней порцией джина. Поставив греться воду для отцовского бритья, Дороти вернулась наверх и стала набирать себе ванну. Из комнаты Эллен все так же раздавался могучий храп. Девкой она была работающей, но из той породы, какую ни один черт со всеми своими ангелами не поднимет раньше семи.

Дороти набирала ванну тонкой струйкой — открыть кран побольше она не смела, чтобы не разбудить отца, — и смотрела на блеклую, неприветливую воду. Все тело ее покрылось гусиной кожей.

---

¹ Чин ректора в англиканстве, весьма солидный в прошлом, утратил свой статус к началу двадцатого века и вскоре был упразднен.

Она терпеть не могла холодные ванны и поэтому взяла себе за правило принимать их с апреля по ноябрь. Попробовав воду рукой — ужас, какую холодную, — она стала привычно наставлять себя:

«Ну же, Дороти! Вперед! Пожалуйста, не трусь!»

Она решительно шагнула в ванну, села и всем телом погрузилась в ледяную воду, до самых волос, завязанных в узел на затылке. Через секунду она встала, дрожа и хватая ртом воздух, и сразу вспомнила, что положила «памятку» в карман халата, намереваясь прочитать. Она достала памятку и, перегнувшись через край ванны, по пояс в ледяной воде, стала читать в свете стоявшей на стуле свечки.

Памятка гласила:

7 ч. С. П.

Мсс. Т дите? Надо зйти.

ЗАВТРАК. Бекон.

НАДО спрос. отца деньги (Е)

Спрос. Эллен состав тоника отца. NB. Спрос.

Соулпайна о мат. для занавесок.

Звонить мсс. П выр. из Дэйли-м чай из

ангелики от ревматизма мозоль пластырь

мсс. Л.

12 ч. Репет. Карла II. NB. Заказать 1/2 ф

клея 1 банку алюм. краски.

ОБЕД (зачеркнуто) ЛАНЧ...?

Разнести Церк. жур. NB. Долг за мсс. Ф 3/6 п.

---

¹ К а р л I (англ. Charles I of England; 1600–1649) — король Англии, Шотландии и Ирландии; его политика абсолютизма и церковные реформы вызвали гражданскую войну (буржуазную революцию) в Англии и восстания в Шотландии и Ирландии.

*4.30 веч. чай в С. мат. не забыть занавески
2 1/2 ярда.*

Цветы для церкви NB. 1 банка Чистоля.

УЖИН. Яичница.

*Печат. проп. отца что с новой лентой для
пиш. маш.*

NB. полоть горох вьюнок ужас.

Дороти вылезла из ванны и, пока обтиралась полотенцем размером с носовой платок (у ректора никогда не водилось приличных полотенец), волосы откололись и упали ей на ключицы парой тяжелых прядей. Пожалуй, к лучшему, что отец запрещал ей стричься, ведь волосы — густые, мягкие и необычайно светлые — составляли всю ее красоту. Ничем другим Дороти не выделялась: роста среднего, довольно худощавая, хотя крепкая и стройная, но лицом не вышла. Лицо ее — узкое и бледное, с блеклыми глазами и длинноватым носом — было вполне заурядным; возле глаз уже наметились «гусиные лапки», а линия губ в обычном положении выдавала усталость. Не сказать, чтобы типичная старая дева, но такая участь была для нее вполне ожидаема. Тем не менее люди, мало знавшие Дороти, обычно давали ей меньше лет, чем в действительности (ей шел двадцать восьмой год), — такое детское усердие читалось у нее во взгляде. Имелись также особые приметы в виде красных точек на левом предплечье, наподобие укусов насекомых.

Надев халат, она стала чистить зубы — разумеется, без пасты; только не накануне С. П. Тут не могло быть двух мнений: ты либо постишься, либо нет. В этом она соглашалась с римо-католиками.

Однако стройная цепочка мыслей прервалась, и Дороти, пошатнувшись, отложила зубную щетку. Внутренности ей скрутил внезапный, отнюдь не воображаемый спазм.

Она вспомнила (с тягостным чувством осужденного человека, забывшего за ночь свой приговор) счет от мясника, Каргилла, ожидавший уплаты уже семь месяцев. Этот ужасный счет — там могло быть фунтов девятнадцать, если не все двадцать, уплатить которые не представлялось возможным, — был едва ли не главным мучением ее жизни. В любой час ночи или дня он словно караулил ее за углом, готовый наброситься на нее и терзать; а вслед за этим счетом в памяти всплыли и счета помельче, складываясь в общую сумму, о которой Дороти не смела и думать. Невольно она взмолилась:

«Господи, прошу, пусть Каргилл не присылает счет сегодня!»

Но тут же подумала, что молиться о таком — суета и кощунство, и попросила у Бога прощения. Надеясь забыться работой, она надела халат и поспешила на кухню.

Огонь, как обычно, потух. Дороти снова растопила очаг, пачкая руки золой, плеснула керосину и с тревогой ждала, пока чайник закипит. Отец предпочитал, чтобы воду для бритья ему подавали к четверти седьмого. Дороти поднялась наверх с кружкой воды, подумав, что опаздывает всего на семь минут, и постучалась к отцу.

— Входи, входи! — произнес приглушенный, ворчливый голос.

В комнате, плотно занавешенной, стоял спертый мужской дух. Ректор зажег свечку на прикроватной

тумбочке и лежал на боку, глядя на свои золотые часы, только что извлеченные из-под подушки. Волосы у него были белыми и пушистыми, точно пух одуванчика. Заметив дочь, он недовольно покосился на нее через плечо.

— Доброе утро, отец.

— Я бы хотел, Дороти, — прошамкал ректор (без вставной челюсти разобрать его речь было непросто), — чтобы ты трудилась поднимать Эллен по утрам. Или сама была чуть более пунктуальна.

— Я так сожалею, отец. Огонь на кухне все время гас.

— Ну хорошо! Поставь кружку на столик. Поставь и раздвинь шторы.

Уже совсем рассвело, но было пасмурно. Дороти поспешно вернулась к себе в комнату и оделась с молниеносной скоростью, как делала шесть дней в неделю. Комнатное зеркало было совсем маленьким, но Дороти почти не пользовалась им. Она надевала на шею золотой крестик — простой крестик, без всяких католических распятий! — завязывала волосы узлом, небрежно воткнув в них несколько заколок, и натягивала одежду (серую кофту, потрепанный твидовый костюм, чулки, слегка не в тон к костюму, и поношенные коричневые туфли) за пару минут. Ей еще предстояло «навести красоту» в столовой и в отцовском кабинете перед тем, как идти в церковь, а кроме того, прочесть молитвы в преддверии Святого Причастия, что занимало не меньше двадцати минут.

Когда она выкатывала из калитки велосипед, утро еще не распогодилось и трава сверкала росой. Сквозь туман, окутывавший холм, смутно вырисо-

вывалась церковь Св. Этельстана, словно таинственный истукан, а ее единственный колокол мрачно тянул: бу-ум! бу-ум! бу-ум! Вот уже три года, как звонил только один колокол, а семь других были сняты и медленно продавливали пол колокольни. Издалека, ниже по склону, доносился настырный звон из римо-католической церкви, также скрытой туманом; ректор Св. Этельстана сравнивал этот скверный, дешевый, жестяной звон с буфетным колокольчиком.

Дороти села на велосипед и стремительно поехала на холм, налегая на руль. Тонкий нос у нее порозовел от холода. Над головой просвистел невидимый в сером небе травник.

«Ранней зарей вознесу я хвалу Тебе!»

Прислонив велосипед к кладбищенской калитке, Дороти заметила, что руки у нее серые от золы, и, присев, дочиста оттерла их о высокую влажную траву, росшую между надгробий. Колокол смолк, и она стремглав бросилась в церковь, заметив, как по проходу шагает в обтрепанной рясе и здоровых башмаках звонарь, Проггетт, пробираясь к своему месту в боковом приделе.

Церковь, большая и обветшалая — непомерно большая для столь скромной общины, — казалась почти пустой. Внутри была холодрыга, пахнувшая свечами и вековой пылью. Три узких скамьи, стоявшие поодаль друг от друга, едва занимали половину нефа, а дальше простирался голый каменный пол, на котором виднелось несколько истертых табличек, отмечавших древние могилы. Крыша над алтарной частью заметно просела; рядом с ящиком для пожертвований лежали два куса источенной балки, наглядно обличая заклято-

го врага христианского мира, жука-могильщика. Сквозь подслеповатые окошки сочился тусклый свет, а за южной дверью, настежь открытой, топорщился кипарис и чуть покачивались ветви липы, серые в пасмурную погоду.

Как и следовало ожидать, явилась единственная прихожанка — старая мисс Мэйфилл, из усадьбы Грандж. Паства по будням отлынивала от Святого Причастия, и ректор даже не мог набрать себе служек, кроме как по воскресеньям, когда мальчишкам нравилось щеголять в сутанах и стихарях перед прихожанами. Дороти заняла место на скамье позади мисс Мэйфилл и, в покаяние за один вчерашний грех, отодвинула подушечку и встала коленями на каменный пол. Служба началась. Ректор, в сутане и коротком полотняном стихаре, читал молитвы скороговоркой, довольно разборчиво, благодаря вставной челюсти, однако весьма сурово. На его брезгливом, стариковском лице, бледном, точно истертое серебро, читалось выражение отчужденности, едва ли не пренебрежения.

«Это подлинное таинство, — казалось, говорил он, — и мой долг совершить его перед вами. Но помните, что я вам не друг, а только священник. По-человечески я к вам симпатий не питаю и знать вас не желаю».

Неподалеку стоял звонарь Проггетт, средних лет, с напряженным красным лицом и курчавыми седыми волосами; он внимал ректору бездумно и ревностно, вертя в красных ручищах алтарный колокольчик.

Дороти прижала пальцы к глазам. У нее никак не получалось сосредоточиться — из головы не шла

мысль о счете Каргилла. Молитвы, известные ей наизусть, влетали в одно ухо и вылетали из другого. Она подняла глаза, и взгляд ее стал блуждать по всей церкви. Сперва наверх, к обезглавленным ангелам под крышей, принявшим на себя гнев ревностных пуритан, затем обратно, к затылку мисс Мэйфилл, под шляпой «пирожком», и болтавшимся агатовым серьгам. На старухе было длинное черное пальто, с засаленным каракулевым воротничком, ни разу не менявшимся на памяти Дороти. Материал, весьма причудливый, напоминал муаровый шелк, только более грубый, с хаотичными извивами черного канта по всей площади. Возможно, это был легендарный, вошедший в поговорку, черный бомбазин. Мисс Мэйфилл была очень стара — настолько, что иначе как старухой никто ее не помнил. От нее исходил слабый букет запахов: одеколона, нафталина и отдушки джина.

Дороти вынула из лацкана пальто длинную портновскую булавку и, прячась за спиной мисс Мэйфилл, всадила себе в предплечье. Ее плоть постыдно сжалась. Всякий раз, как она ловила себя на том, что молится рассеянно, она до крови колола себе руку. Так она добровольно приучала себя к дисциплине, спасаясь от непочтительности и кощунственных мыслей.

С булавкой наготове Дороти смогла молиться более осознанно, правда, недолго. Отец неодобрительно скосил темный глаз на мисс Мэйфилл, периодически крестившуюся, чего он не одобрял. За стенами церкви чирикнул скворец. Дороти оторопело отметила, что тщеславно любитесь отцовским стихарем, который сама ему сшила два года

назад. Стиснув зубы, она вогнала булавку в руку глубже прежнего.

Снова встали на колени. Читалась общая исповедь. Дороти вновь отвлеклась — теперь на витражное окно справа, изображавшее (по эскизу сэра Уорда Тука, члена Королевской академии, созданному в 1851 году) святого Этельстана, приветствуемого у райских врат Гавриилом с ангельским воинством, и каждый ангел был вылитый принц-консорт¹, — и снова всадила булавку. Внимание было восстановлено, и фразы молитвы стали восприниматься куда более осознанно. Однако на словах «Посему мы с ангелами и архангелами...», когда Проггетт звякнул колокольчиком, Дороти снова пришлось прибегнуть к булавке, поскольку ее, как всегда в этом месте, стал разбирать смех. Ей вспоминалась история, рассказанная когда-то отцом, о том, как он был служкой и язычок алтарного колокольчика отвинтился, а священник, заслышав неладное, обратился к нему в самый разгар славословия: «Посему мы с ангелами и архангелами, и со всеми силами небесными, славословим светлое имя Твое; многажды Тебя благодаря и говоря: ”Прикрути язык, болван ты этакий, прикрути!“»

После освящения Святых Даров мисс Мэйфилл с превеликим трудом поднялась с колен, напоминая деревянную марионетку, запутавшуюся в своих суставах. Каждое движение сопровождалось усиленным запахом нафталина и жутким скрипом (вероятно, от корсета старухи), звучащим точно

---

¹ Имеется в виду муж королевы Виктории (1819–1901), принц Альберт (1819–1861).

хруст костей, так что воображение рисовало под черным пальто высохший скелет.

Дороти не сразу встала. Мисс Мэйфилл ковыляла к алтарю, с трудом переставляя ноги. Она еле ползала, но гневно отвергала любую помощь. На ее древнем, бескровном лице выделялся большой, вечно приоткрытый рот. Нижняя губа, отвисшая с возрастом, открывала влажную десну и ряд вставных зубов, пожелтевших, точно клавиши старого пианино. На верхней губе, в бисеринках пота, темнели усики. Другими словами, ее уста не внушали симпатии; никому бы не понравилось пить с ней из одной посуды. И вдруг с губ Дороти сами собой, точно внушенные Нечистым, слетели слова:

— Господи, не дай мне пить из чаши после мисс Мэйфилл!

В следующий миг, ужаснувшись этой святотатственной слабости на ступенях алтаря, она пожалела, что не откусила себе язык. Она снова взяла булавку и так отчаянно вонзила в руку, что едва не вскрикнула от боли. Затем она подошла к алтарю и покорно опустилась на колени, слева от мисс Мэйфилл, оставив за ней право пригубить чашу первой.

Стоя на коленях, понунив голову и сложив ладони, Дороти собралась по-быстрому прочитать покаянную молитву, пока отец не подошел к ней с облаткой. Но мысли ее пребывали в таком смятении, что эта задача оказалась ей не под силу; губы ее шевелились, но ни сердцем, ни умом она не участвовала в молитве. Она слышала шарканье башмаков Прогетта и четкие тихие слова отца: «Возьми и вкуси», видела истертую материю красной